

*Т. Краус**

Ельцинизм на весах истории

Метод, посредством которого протекающие в России процессы анализируются лишь как результаты деятельности различных групп российской политической элиты, причем к этой элите даже предъявляются соответствующие “требования” в духе западной системы ценностей, столь же распространен, сколь и бесплоден. Этот метод анализа терял свой престиж параллельно с падением престижа *ельцинизма*, ведь Россия не перешла и не могла перейти на “западническую” орбиту, а между тем осуществление такого перехода должно было стать важнейшей исторической задачей нового режима, если верить дефинициям, данным его собственными идеологами. Все произошло не так, как писали и предсказывали превратившиеся в российских “демократов” советские лидеры, западные политики, а также всевозможные советники, корифеи Валютного фонда и рядовые кремленологи.

Вместо этого корни пустила *ельцинщина*. Однако всероссийские демонстрации 7 октября 1998 г. стали новой вехой: ельцинщина вступила в свою конечную стадию, вместе с Борисом Николаевичем вынужден будет удалиться и его режим. Попробуем определить, какова была важнейшая причина формирования *ельцинизма*, в чем его сущность и почему этот режим потерпел крах¹.

Как уже давно было описано на периферии теоретической литературы, “неолиберальная модернизация” СССР есть подчинение постсоветского региона интересам развитого центра. Яснее всего это подчеркивается Бжезинским и в изданиях “Heritage Foundation”, которые отражают убеждения и стратегию влиятельных американских политических кругов. “Целью” является раздробление самой России, поскольку “имперское бытие России” рассматривается как препятствие, принципиально не допускающее демократического развития. Следовательно, согласно такому представлению, децентрализация тоже не означает решения проблемы, потому что “добровольный союз государств” также “будет функционировать как империя”. Здесь речь идет не просто о проявлении идеологии американской мировой гегемонии, но и о неприкрытом провозглашении стремления к восстановлению изоляции России, пусть даже это будет изоляция нового типа. Ельцинизм создал для этого стремления соответствующие внутренние рамки.

Формально федеративная структура советского государства завуалировала тот факт, что суверенитет союзных республик принял фиктивный характер. В России Ельцина фиктивным стало единство. Правда, новую федерацию объединяет власть президента, располагающего практически диктаторскими полномочиями, а также президентская система, однако в действительности особые интересы суверенных регионов, местных правящих элит и традиция регионализма подвели под федерацию шаткий фундамент. В годы ельцинщины в целях защиты республиканско-региональных структур внутри Российской Федерации этническая принадлежность была провозглашена самостоятельной ценностью, “истинным” представителем которой, естественно, стала местная политическая элита. Центральная исполнительная власть федерации, в свою очередь, ссылаясь на националистическую защиту “русских интересов”. Еще 12 июня 1990 г. в Декларации о суверенитете Российской Федерации говорилось о приоритете местных республиканских законов в противовес федеративным. Российская “декларация независимости” уже была документом “демонтажа” СССР, внушавшим убеждение, что распад на национальные государства может облегчить внедрение в систему мировой экономики. На самом деле произошло обратное: в то время как в развитых странах

* Краус Тамаш — историк, научный директор Венгерского института русистики.

¹ Мы не станем здесь заниматься дискуссиями о понятийном определении советского режима и ельцинизма, нас больше интересует историческая функция ельцинизма и достигнутые им результаты. О дискуссиях вокруг понятийного определения см. опубликованные после 1991 г. номера журналов “Eszmélet” (Будапешт) и “Review” (США). Например, пригодна для обсуждения статья: Foursov A. Communism, Capitalism, and the Bells of History. — Review, XIX, 2, Spring 1996. — P. 103-130.

представители *капитала* трудились и по сей день трудятся над углублением интеграции, в бывшем советском экономическом регионе они же стимулируют процесс дезинтеграции. При этом они, конечно, в значительной степени опираются на “русскую специфику”. Сегодня уже лучше видно, что предпосылкой настоящего, не базирующегося на изоляции внедрения в систему мировой экономики должно было стать именно наличие внутреннего “общего рынка”, который обладает достаточной силой для того, чтобы Россия смогла занять “достойное” место на верхних этажах иерархического здания мировой капиталистической системы. Однако такая цель возникала только в мечтах осуществившей смену режима политической элиты, которая, конечно, предпочла собственные актуальные политические и экономические интересы экономическим и политическим интересам страны.

Совокупность факторов, углубляющих разложение, и финансовый крах августа 1998 г. лишь укрепили те устремления, которые отразились в концепции Збигнева Бжезинского. Этот русофобствующий идеолог американской правящей элиты размышляет уже, собственно говоря, не о конце истории, а о конце России. В своем интервью радио “Свободная Европа” от 15 сентября сего года Big Zbig описал раздел России следующим образом: “Шансы России на будущее развитие улучшились бы, если бы Россия как федерация состояла из трех основных частей: Европейской России, Центральной России и Дальневосточной России. При такой конфедеративной организации отдельные регионы могли бы гораздо лучше развивать региональные торговые связи с окружающими торговыми зонами, нежели при существующей ныне системе”. За новыми иллюзорными мечтами в действительности скрываются едва замаскированные, но вполне прозаичные соображения и великодержавные интересы: речь идет о намерении разделить Россию на немецкую, американскую и японскую зоны влияния или опеки.

“Лекарство”, предложенное для ликвидации кризиса протекционизма и вообще государственного социализма, т.е. ориентированная на экспорт “интеграция” в рамках мирового рынка, оказалась предпосылкой полного разложения, которое и было доведено Ельциным до крайних пределов. В соответствии с этим ельцинизм, согласно взятой на себя функции, осуществил радикальную девальвацию стоимости российской (и восточноевропейской) рабочей силы, увеличил отток прибылей и неравноправность обмена, а также породил такую ситуацию, при которой накопление труда происходит в России, а капитала — на Западе (формально используя некоторые институты буржуазной демократии). Другая важнейшая функция ельцинизма заключалась в том, чтобы примирить трудящихся и безработных с этим беспримерным историческим опустошением. Пассивную опору ельцинизма составляли миллионы людей, оказавшиеся дезориентированными после падения государственного социализма и поверившие в новое “спасение”, в совокупное развитие общества, персонифицировав по “русской традиции” свои мечты в Ельцине, новом “отце-благодетеле” (...)

Вместо демократии — президентская система

(...) В специальной литературе, посвященной “российскому президентству”, обычно оправдывается власть Ельцина, однако при этом вынужденно (цинично или наивно?) признается, что, к сожалению, ситуация складывается не в соответствии с американскими представлениями о демократии, больше того, во многом как раз вразрез с этими представлениями, и все же: “В выводящей из хаоса президентской системе американцы, французы, а теперь и русские нашли нечто ценное”¹. При таком подходе, с помощью подобного метода, когда “секрет” происходящего, особенно в России, пытаются обнаружить в институтах, институциональной системе, невозможно понять причины возвышения и падения ельцинизма, суть проблемы утопает в юридическом и политологическом формализме. Российская президентская система не должна смешиваться ни с американской, ни с французской, поскольку она, несмотря на все “институциональное тождество или сходство”, имеет совершенно другую социальную базу, историческую функцию, “психологию”. Ведь в России никогда не существовало и до сих пор не существует многопартийной политической системы в западноевропейском или

¹ Nichols Th. M. Logic of Russian Presidentialism: Institutions and Democracy in Postcommunism. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Univ. of Pittsburg, Number 1301, May, 1998. — P. 42.

американском смысле этого понятия. Ни после 1905 г., ни в 1917, ни в 1989-1991, ни в 1993 гг. в России даже в искаженных формах не сложилась власть партий, осуществляемая в парламентских рамках. Парламент здесь либо принял советскую форму, либо стал функцией “партии-государства”, либо, как во времена ельцинщины, установилась элитарная авторитарная система с бюрократическим оттенком, опирающаяся на созданные сверху партии. Эти формы власти принципиально отличаются от западноевропейской или американской буржуазной демократии, и главной причиной этого является отсутствие соответствующего исторического фундамента, так, например, в России до сих пор не сформировалась “демократическая буржуазия”, которая обеспечивала бы функционирование политической системы “западного типа”.

Настоящий смысл президентской системы состоит именно в том, что она не допускает утверждения парламентаризма. Как бы ни старались депутаты, используя и накопившийся в обществе потенциал протеста, найти в Думе противовес власти президента, президент может не обращать внимания на эти старания. Лишь широкое движение сопротивления в обществе способно добиться перемен в структуре власти, что и произошло в форме движений протеста в октябре 1998 г. Этот “полупарламентаризм”, не знающий настоящих партий, свидетельствует не о слабости российского общества, а о непригодности институциональной системы, служащей интересам политической элиты и господствующих экономических группировок. В ходе избирательной кампании, предшествовавшей президентским выборам 1996 г., совершенно четко выяснилось, как представители режима могут держать эту кампанию под контролем, не давая оппозиции никаких реальных возможностей.

Естественно, российская президентская власть — это особый авторитарный режим, и Ельцин стоит ближе к Пиночету, чем к Рейгану или Тэтчер. В то же время речь идет о новом историческом явлении, поскольку оно представляет собой такую своеобразную смесь определенных элементов буржуазной демократии, политической диктатуры и самодержавия, которая позже сама станет источником аналогий для настоящего и будущего развития стран, осуществивших смену режима. В этом состоит историческая оригинальность ельцинщины как президентской системы (...)

Крах финансовой системы в августе 1998 г. показал, что перемены неизбежны. После провала правительства Кириенко, ясно показавшего, что российская банковская система функционирует на манер преступной организации, не отступающей ни перед растратой накопленных населением средств, ни перед отказом от погашения задолженности по иностранным кредитам, быстро пошатнулась и международная поддержка режима. Ельцинизм, ранее благословлявшийся международными финансовыми организациями, теперь навлек на себя их проклятия. Многомиллионная демонстрация 7 октября (1998) показала, что уход Ельцина — простая формальность, с которой, однако, не следует спешить, потому что складывающиеся как на правом, так и на левом фланге политические блоки еще находятся в состоянии подготовки к овладению властью. Альтернативы, которые встали перед президентом уже в ходе октябрьских демонстраций, явно свидетельствовали о том, что режим Ельцина не может быть консолидирован.

Как и Горбачев после опереточного путча в августе 1991 г., Ельцин оказался в вакуумном пространстве. Первой возможностью был роспуск Думы и проведение новых выборов, однако президент не мог пойти по этому пути, поскольку все прогнозы показывали, что в результате выборов возникнет еще более радикальная Дума, которая в случае сильного ограничения власти президента немедленно положит конец его режиму. Во-вторых, следуя примеру октября 1993 г., Ельцин мог бы осуществить новый военный путч для введения чрезвычайного положения, однако любая военная диктатура нуждается в поддержке офицерства. Офицеры российской армии в нынешнем состоянии непригодны для использования их против населения, в чем проявляется угрожающее сужение социального базиса режима. Третья возможность, которую и выбрал Ельцин, состояла в применении политики уступок, продлившей личную власть тяжело больного президента, но на деле означавшей победу Думы, одержанную при значительной поддержке народа. С этой точки зрения будущее может принести увеличение роли Думы, вследствие чего перед различными группировками политической элиты откроются более широкие возможности для осуществления определенного контроля над президентской властью. Такой ход событий кажется благоприятным и с точки зрения различных общественных организаций, ведь в близком будущем через посредство Думы может усиливаться влияние оппозиционных

голосов, противостоящих режиму, а средства массовой информации перестанут быть средством единственной политической силы.

Усиление Думы под знаком сплочения коммунистов и националистов выдвинет на передний план задачу предотвращения дальнейшего распада России, противодействия местным и региональным политическим группировкам. Наиболее значительные группы российских левых, включая и самого Зюганова, рассматривают дело прекращения распада России в качестве особого “проекта”. Это означает, что “восстановление” России включает в себя и объединение определенных частей бывшего СССР (как об этом однозначно говорится в одном из постановлений Думы). Разочарование в Западе увеличит значение Китая в российском дипломатическом мышлении, что делает вероятным обращение в постельцинскую эпоху к плану восстановления России в качестве “евразийской” державы. Это не утопия, поскольку экономические и политические процессы интеграции и дезинтеграции действуют совместно. Однако остается большим вопросом: возможно ли вообще какое-либо возрождение, новое сплочение, реконструкция России на основе капитализма и рыночной экономики? Я с большим скептицизмом отношусь к возможности положительного ответа на этот вопрос.